

А. Ю. Виноградов
НИУ ВШЭ, Москва

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ «КУПОЛЬНОГО ЗАЛА»¹

В истории восточнохристианской архитектуры проблема «купольного зала», т. е. продольно ориентированного зального храма с куполом без свободно стоящих опор, оказалась недостаточно изучена: показательно, что о нем нет ни отдельного исследования², ни статьи в профильных энциклопедиях, ни даже раздела в историях византийской архитектуры. Причина этого кроется в том, что чаще всего он рассматривается как периферийный, второстепенный тип, предназначенный для маленьких церквей, т. е. вторичный по отношению к основным типам купольного храма. Однако, во-первых, в ряде регионов византийского мира он вполне даже был основным типом местной архитектуры: на Крите, Кипре, в послеарабской Армении и сербской Рашке. Во-вторых, «купольный зал» вполне может достигать размеров больших церквей (диаметр купола в Мариадьбе – 8 м, в Аруче – 11 м, в Филадельфии – 15 м!) и служить соборным храмом, как в Филадельфии, Аруче или Аргине. Таким образом, это универсальный тип христианского храма, подходящий для церквей различного назначения, которое и определяет его конкретные размеры.

Сам термин *Kuppelhalle* – купольный зал – был введен еще в начале XX века Й. Стржиговским и играл важную роль в его концепции развития купольной архитектуры³. Исследователь считал, что архитектурный тип *Kuppelhalle* возник однажды в Иране и пришел на Запад через Армению. Однако его критики справедливо указали, что данный тип был хорошо известен уже в ранневизантийской светской архитектуре (например, ворота Халки в Константинополе⁴). В последнее же время стало очевидно, что этот тип был распространен с самых ранних времен и в храмовом зодчестве империи.

Впрочем, встречается также мнение, что «купольный зал» – это научная фикция, «не типологическая, а пространственная характеристика», скрывающая за собой «постройки, близкие друг другу по плану, но отличающиеся по многим иным параметрам, возникшие в разное время в разных регионах»⁵. Последние два возражения не кажутся непреодолимыми: так, тип вписанного креста тоже существует в разное время в разных регионах и существенно различается в своих вариантах, что не мешает, однако, изучать его как феномен. Что же касается критики термина «зал», то, во-первых, это устоявшееся понятие в истории архитектуры, обозначающее продольно ориентированный прямоугольный объем и применяемое для других типов (например, «зальный храм»). А во-вторых, предлагаемый вместо «купольного зала» термин «однонефная купольная постройка» неудачен из-за сомнительности самого понятия «однонефный»: ведь «неф» – это характеристика, прежде всего, базиликальной постройки, предполагающая наличие нескольких нефов и разделителей между ними.

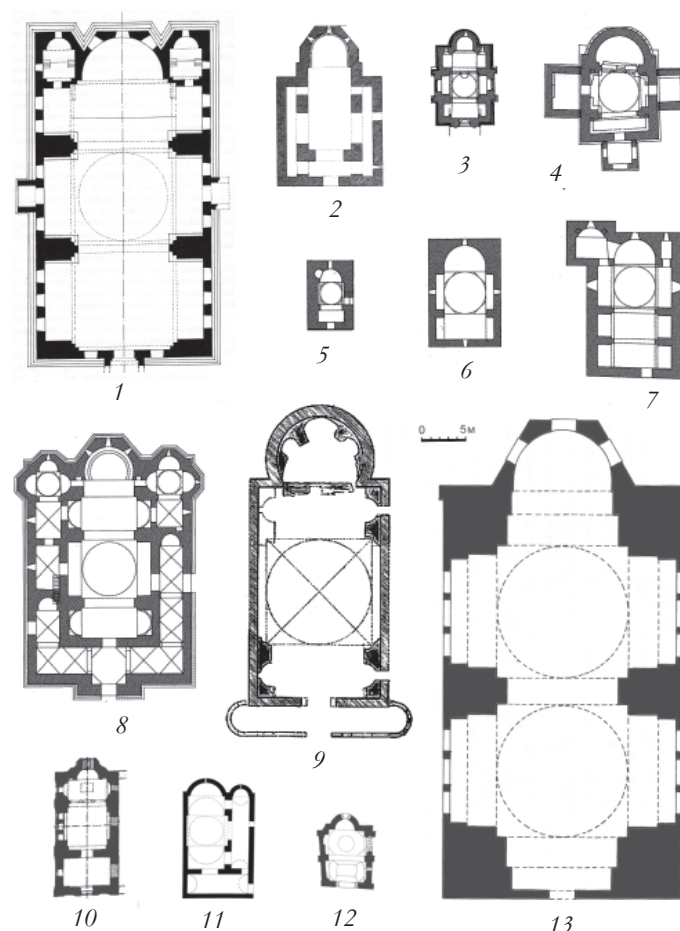
Между тем, здесь мы видим попытку создать кальку сербского термина *jednabrodna kupolna црква* или греческого *μονόχωρος (δρομικός) τρουλλαῖος ναός*⁶, в противовес принятому в западноевропейской научной традиции термину «купольный зал» (нем. *Kuppelhalle*, англ. *domed hall*, фр. *salle à coupole*)⁷. В греческой науке термин *μονόχωρος (δρομικός) τρουλλαῖος ναός* противопоставляется, однако, другому: *μονόκλιτος σταυροειδής εγγεγραμμένος ναός* (однонефный храм типа вписанного креста), который применяется для аналогичных храмов с более узким куполом и, соответственно, большей длиной боковых «рукавов». Впрочем, как мы увидим ниже, эти варианты не отличаются друг от друга типологически (по конструкции здания), причем отнесение памятников к тому или другому часто бывает весьма произвольным⁸. На этом примере хорошо видно, как, следуя чисто локальной специфике, греческая терминология не только оказывается не способна описать более широкие, общие для восточнохристианского мира явления, но и «забывает» о других вариантах «купольного зала», например двухтравейных.

С другой стороны, С. В. Мальцева верно замечает, что термин «купольный зал» характеризует и определенный тип внутреннего пространства. Действительно, внутри любого храма такого типа очень четко ощущаются два его основополагающих принципа: устремленное от входа к алтарю единое пространство наоса и осеняющий его купол. При этом очевидно, что вариантов такого перекрытия куполом лонгитудинального прямоугольного пространства существует большое количество. Но есть ли между ними связь, которая оправдала бы использование термина «купольный зал» (как для других архитектурных типов), или это своего рода «зонтичный бренд» для различных по происхождению типов церковного здания? Получить ответ на этот вопрос можно, только рассмотрев памятники различных регионов, подходящих под вышеприведенное общее определение «купольного зала».

Византия

Испания. Самый ранний памятник, определяемый как *Kuppelhalle* – мавританский в Мариальбе в испанском Леоне, перестроенный из зального храма в купольный на рубеже IV–V веков⁹. Здесь мы видим все основные характеристики будущих «купольных залов»: основу конструкции составляли поставленные у боковых стен две пары пилястров, которые переходили в выделенные подпружные арки и поддерживали купол, размещенный посередине наоса, над центральной травеей, вдвое большей, чем восточная и западная. Интерьер здания отличается античной изысканностью: мощные пилястры, способные нести тяжесть большого, восьмиметрового в диаметре купола, были изящно «замаскированы» полукруглыми нишами в торцах западной и восточной травей; аналогичные ниши украсили и апсиду (ил. 1, 2). Эта «маскировка» пилястров, размер которых зависит от тяжести купола, весьма важна в «купольных залах». Ведь, помимо важного для Византии скрытия несущих опор, для *Kuppelhalle* важна максимальная компактность и обозримость внутреннего пространства, не расчлененного преградами.

Возведение столь нестандартного сооружения на периферии империи, да еще и в довольно крупном масштабе, заставляет предположить, что данный тип «купольного зала» уже был известен строителям Мариальбы и возник в одном из архитектурных центров империи. Эта «новомодная» конструкция, подтолкнувшая заказчика мариаальбского храма к перестройке старой зальной церкви, на самом деле имела революционный характер: она представляет собой первый в христианской архитектуре (вероятно,

Ил. 1. «Купольные залы» Византии и Кавказа. Планы:

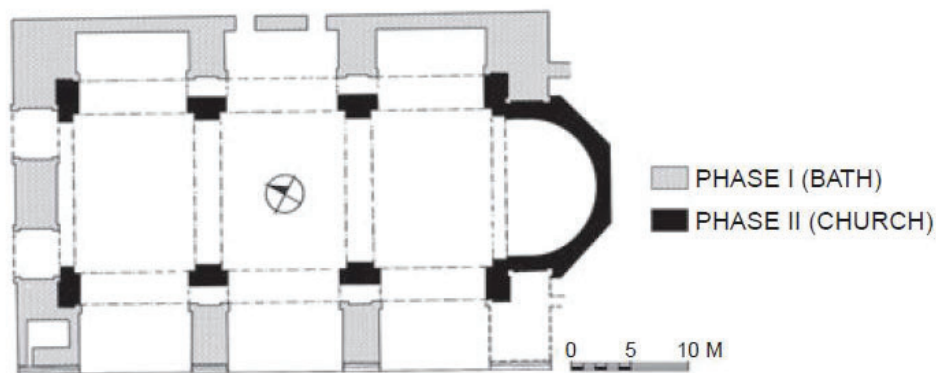
1 – Аруч; 2 – Нокалакеви; 3 – Никози; 4 – Нажахово; 5 – Двани; 6 – Парнаки; 7 – Цкаростави; 8 – Вачнадзиани; 9 – Мариальба; 10 – Токлу Деде Месджеди; 11 – Сант-Аполлинаре близ Рутильяно; 12 – Агия Кириаки на Наксосе; 13 – церковь Святого Иоанна в Филадельфии.

По изданию: Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Бамборский храм и проблема «купольного зала» в Византии и на Кавказе // РА. 2012. № 3. С. 102. Рис. 4

вдохновленный зодчеством гражданским) пример сочетания купола и лонгитудинального наоса, которое лишь в конце V века обретет свое окончательное решение в типе «купольной базилики». Помещение же купола по центру зального наоса, при всей его кажущейся логичности, однако, нельзя назвать очевидным архитектурным решением. В ранних вариантах «купольной базилики» (конец V – начало VI века) купол перекрывает восточную часть центрального нефа и только в юстиниановской Святой Софии смещается на его центр¹⁰. Вообще, взаимоотношения двух этих типов, близких по базовому конструктивному принципу, весьма важны для истории византийской архитектуры: в частности, при большей изоляции боковых нефов центральная часть «купольной базилики» становится похожа на «купольный зал». Этот феномен особенно ярко проявляется в тех архитектурных традициях, где *Kuppelhalle* была распространена шире, чем «купольная базилика».

Фригия и Лидия. С «купольным залом» в Марнальбе совпадает по времени «базилика в термах» в Иераполе Фригийском. Кальдарий римских терм III века был перестроен в церковь посредством добавления апсиды и приставления дополнительных опор к старым пилястрам (ил. 2). В результате получился вариант «купольного зала» с проходами в сильно вынесенных пилястрах и тремя травеями, перекрытыми овальными куполами (или крестовыми сводами)¹¹. Из зданий такого типа, прямо наследующих римским термам, вырастают лидийские «двухкупольные залы» VI века, состоящие из двух перекрытых куполом травей: собор Святого Иоанна Богослова в Филадельфии (современный Алашехир; ил. 1, 13)¹² и, вероятно, так называемое здание D в Сардах¹³. Огромные купола (в Филадельфии – диаметром около 15 м) опираются здесь на мощные, сложно профилированные опоры-пилястры (в Филадельфии толщиной около 7 м), что формирует под куполами подобия компактно вписанного креста. Между ними находились сплошные, но тонкие стены-мембраны¹⁴, открытые раскопками (хотя для сардского памятника Н. Каридис не исключает и реконструкции в виде своеобразной базилики¹⁵). Происхождение «двухкупольного зала» связано, очевидно, не с храмами типа Марнальбы, но с вышеописанной иерапольской «базиликой в термах» и, шире, с западноанатолийской традицией перекрывать центральный неф базилики несколькими куполами (*Basilica urbana* в Иераполе¹⁶, стадия 3 базилики в Приене?¹⁷). Г. Бухвальд датировал храм в Филадельфии временем около 500 года, считая его промежуточным звеном в истории парусного перехода перед Святой Софией Константинопольской, но более вероятно, что собор Святого Иоанна современен вышеперечисленным церквям и датируется второй четвертью – серединой VI века, представляя собой, возможно, часть юстиниановской строительной программы в Малой Азии (подобно близкому по конструкции собору Святого Иоанна Богослова в Эфесе).

Южная Италия. Примеры ранних «двухкупольных залов» мы встречаем также в Апулии, с равными по размеру травеями, перекрытыми обычно глухими куполами. К V–VI векам относится первый этап храма Сант-Аполлинаре близ Рутильяно, перестроенного на тех же основаниях в VIII–XI веках¹⁸, с двумя равными, прямоугольными травеями и куполом над восточной (ил. 1, 11). Возможно, этот тип появился, как и в Лидии, из-за сокращения местных «двухкупольных базилик» (типа Сан-Пьетро-ин-Крепакоре¹⁹).

Ил. 2. «Базилика в термах» в Иераполе Фригийском. План. По изданию: *Kullberg J. B. When bath became church: spatial fusion in late antique Constantinople and beyond // Fountains and Water Culture in Byzantium / ed. by B. Shilling, P. Stephenson. Cambridge, 2015. P. 153. Fig. 8.5*

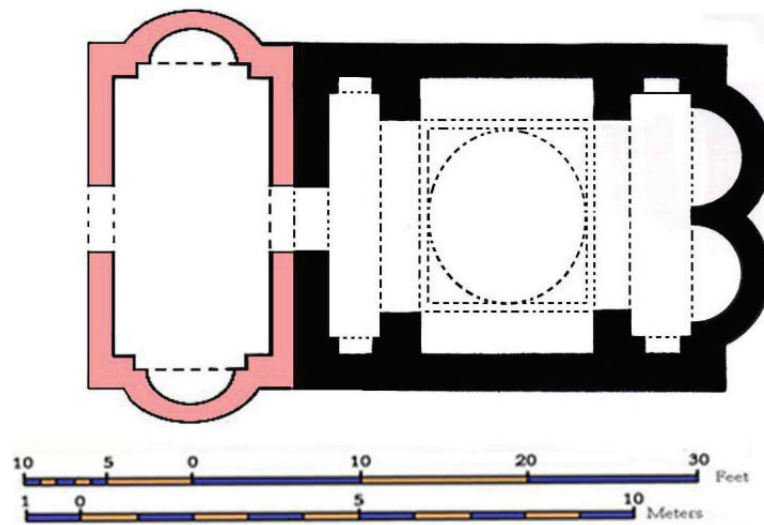
Между серединой VII и началом IX века в Апулии была построена Санта-Мария-ди-Галлана, с тремя травеями, но двумя куполами (на центральной и восточной травеях), а также «двухкупольный зал» с пилястрами – Сан-Сальваторе на Монте Сант-Анджело²⁰. Этот тип представлен и в пограничном с Апулией районе Кампании (Сант-Иларио-а-Порта-Ауреа в Беневенте); напротив, к нему не имеет отношения капелла № 5 в Оливане-суль-Тушано близ Салерно (IX–X века?)²¹, которая представляет собой «компактно вписанный крест» с открытым в наос нартексом.

Не позднее XI века в Апулии «купольный зал» приобретает иную, известную нам по Мариальбе форму: с тремя травеями, большей центральной и меньшими, но равными по размеру западной и восточной. Это храмы в Торре Санта-Кроче близ Битонто, Сан-Базиллио и Сан-Пьетро-Паво близ Джовинаццо, Онъисанти в Паччиано близ Бишелье, Сан-Вито в Корато, Сан-Джорджо близ Бари (с сокращенной западной травеей), Сан-Доменико в Битетто, Сан-Феличе в Бизиньяно, Санта-Маргерита в Бишелье; при этом в Сан-Пьетро в Бальсиньяно к большому трехтравейному «купольному залу» пристроен меньший, с двумя одинаковыми травеями²². В соседней Лукании/Базиликате мы видим удлинение трехтравейной *Kuppelhalle* еще на одну, западную травею – Сант-Анджело в Сан-Кирико-аль-Рапаро²³ (около 984 года).

Таким образом, в Южной Италии четко выделяются два типа: ранний (V–XI века) «двухкупольный зал», типологически близкий лидийским памятникам, и более поздний (но не позднее конца X века), с тремя травеями (из которых центральная купольная – большего размера), который был занесен сюда еще в период владычества Византийской империи.

Греческие острова. Действительно, этот простейший вариант купольного храма четко фиксируется в Византии уже с «темных веков», причем сразу на ее периферии. Именно тогда, в VIII–IX веках, в своем трехтравейном изводе *Kuppelhalle* попадает на Кипр (Агиос Георгиос в Афендрико; ил. 3; Агиос Фотиос близ Ялусы). Е. Прокопиу²⁴ насчитывает на острове 34 памятника этого типа, чаще всего с пилястрами, иногда очень сильно вынесенными (Агиос Михаил во Френаре), а иногда стилизованными под колонны (церкви Панагии в монастыре Тохниу и в Трикомо) или полуколонны (Панагия Лампадиотисса в Мицери; ср. ниже, о храмах Ионии). Изредка все три травеи оказываются близки по размеру: квадратными (Агиос Фотиос близ Ялусы, Панагия Галактотрофуса в Фасури) или прямоугольными, но без уменьшения купола, который в последнем случае становится овальным (Агия Марини в Диринии и Канту, Панагия Кампу); совсем редко встречается уменьшение восточной травеи (Панагия Араку). Очень интересен пример церкви Агиос Михаил во Френаре, где к основному «купольному залу» был добавлен нартекс в виде поперечно ориентированной *Kuppelhalle*: такой тип проходного зала, восходящий еще к поздней античности²⁵, со средневизантийского времени становится популярным во всей Греции. На Кипре возникает также, причем очень рано, местная вариация *Kuppelhalle* – с двумя апсидами при едином наосе (Агиос Георгиос в Афендрико и Хулу).

С другой стороны, мы видим на Кипре процессы трансформации «купольного зала», общие с другими греческими провинциями и особенно островами. Во-первых, вырабатывается вариант *Kuppelhalle* с глухими арками в боковых стенах крайних травей, подражающими глухим аркам под продольными подпружными арками. Во-вторых, не позже X века возникает противоположный вариант *Kuppelhalle* – с утолщением боковых стен крайних травей (ширина центральной при этом не меняется относительно общей

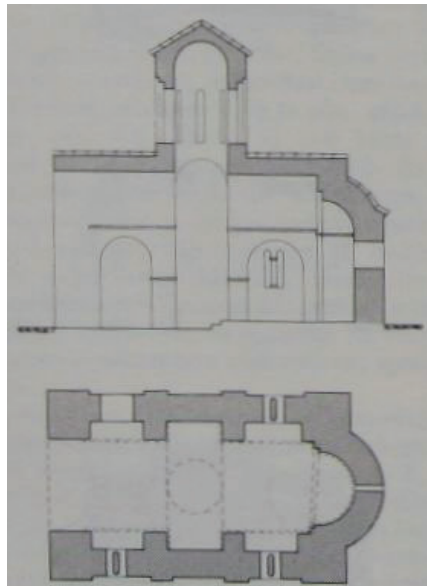

Ил. 3. Агиос Георгиос в Афендрико на Кипре. План. По изданию: *Stewart C. A. Domes of Heaven: the domed basilicas of Cyprus* : diss. Bloomington, 2008. Fig. II.86

ширины храма), заменяющим пилястры на угловые выступы, на которые опираются подпружные арки, слитые со сводом крайних травей. На Кипре это Агия Триада и Агиос Георгиос в Куцовендисе и Агиос Фомас в Айос-Фомас, с равными травеями (или даже удлиненными крайними, как в Агия Напа в Канту). При сокращении крайних травей такой храм начинает сближаться (но не сливаться) с типом компактно вписанного креста (на Кипре это Сотир в Афендрике, Агия Параскеви в Криту Тере). В-третьих, это появление – не позже XI века – на греческих островах «купольных залов» с пятью травеями, но с сохранением купола на центральной, причем опираться тот может и на пилястры (Хрономонастери на Крите), и на их комбинацию с углами утолщенных боковых стен крайних травей (Панагия в Кофину на Кипре).

В «темные века» трехтравейные *Kuppelhalle* появляются и на Наксосе: самые ранние «купольные залы» датируются временем не позже начала IX века, доминируя в этот период и демонстрируя оба типа: с пилястрами (Агиос Иоаннис Феологос в Адисару, Агиос Артемиос в Сагри) и без пилястров, с утолщением боковых стен крайних травей (Агия Кириаки в Апиранфу; ил. 1, 12)²⁶. В средневизантийское время на Наксосе строится еще дюжина «купольных залов» двух вышеупомянутых типов, с пилястрами, делящими наос на более или менее равные травеи (большинство храмов), и без пилястров, с утолщением боковых стен крайних травей (Агиос Пахомиос в Апиранфу, Агиос Иоаннис в Сифонах, южный храм в крепости Апалиру и др.)²⁷.

Схожая ситуация складывается на Крите²⁸, где в «темные века» появляется первая трехтравейная *Kuppelhalle* – в Айос-Николаосе. В дальнейшем их строится еще около двадцати, причем только с пилястрами (Панагия Кира в Крице, Преображения в Эксо Мулиане и др.). Некоторые имеют ниши по сторонам от апсиды (Панагия в Авгенике, Панагия Лимниотисса в Эпископи и др.). Представлены на Крите и редкий тип *Kuppelhalle* с пятью травеями (Агиос Евтихиос в Хрономонастери), и сужение купола относительно ширины поперечных подпружных арок (Агиос Николаос в Кириакоселии; ил. 4).

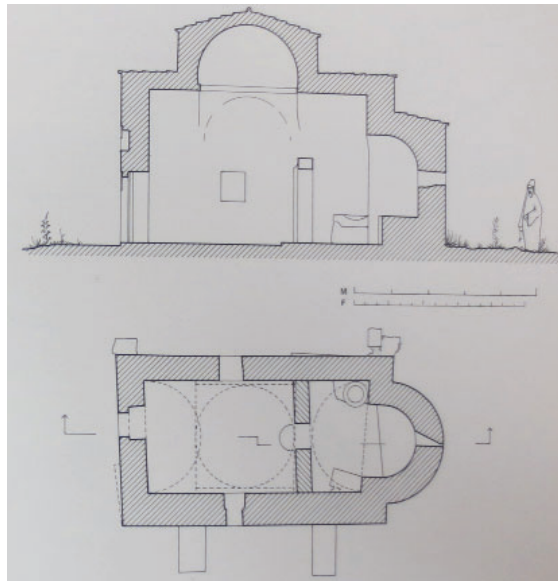

Ил. 4. Агиос Николаос в Кириакосели. Разрез и план. По изданию: *Bissinger M. Kreta // Reallexikon zur byzantinischen Kunst. Bd. 4. Stuttgart, 1990. Sp. 967. Abb. 31*

Известна *Kuppelhalle* (с пилястрами) и на Хиосе (Панагия Сикелья), Родосе (Агиос Георгиос в Капи) и Скопелосе (Агиос Георгиос Кирацу)²⁹.

Подводя итог обзора «купольных залов» на греческих островах, можно констатировать следующее. Почти все они трехтравейные (за исключением двух пятитравейных), причем все травей обычно приблизительно равны по размеру. Это порождает, в частности, феномен овального или уменьшенного купола, который в последнем случае помещается на дополнительных продольных подпружных арках, перекинутых между поперечными, делая «купольный зал» снаружи еще более похожим на вписанный крест. Вынос пилястров может значительно колебаться, а вот утолщение боковых стен крайних травей обычно небольшое и не порождает сходства с типом компактно вписанного креста.

Эллада. Показательно полное отсутствие *Kuppelhalle* любых изводов в Северной Греции: в Фессалии, Эпире и Македонии (самая северная – Агиос Стефанос Ривиу в Акарнании). Напротив, «купольные залы» довольно часто встречаются с XI века в феме Эллада (Центральная Греция и Пелопоннес), причем в разных, уже известных нам вариантах³⁰. Преимущественно, как и на островах, это извод с пилястрами (Мегаля Панагия в Афинах, Агиос Георгиос Калиссион в Аттике, Евангелистрия в Гераки, Агиос Иоаннис Продромос в Зарафоне, расширение наоса в Агии Апостоли в мессенской Каламате, Агиос Николаос в Кальюполисе и Агия Варвара в Вате в Лаконии, Агиос Андреас Лонгас и кафоликон монастыря Сидеропорты в Мессении), иногда чрезвычайно развитыми (Агиос Стефанос Ривиу в Акарнании). Вариант с утолщением боковых стен крайних травей встречается чаще всего в Аттике: он сближается с типом компактно вписанного креста (Агии Апостоли в Коропи и Агиос Николаос в Халиду в Аттике, Агиос Георгиос близ Гераки), хотя и не всегда (Месоспоритисса в Каливии Куваре, парэкклесий Агии Таксиархи в аттическом монастыре Айос Мелетиос). Известна также

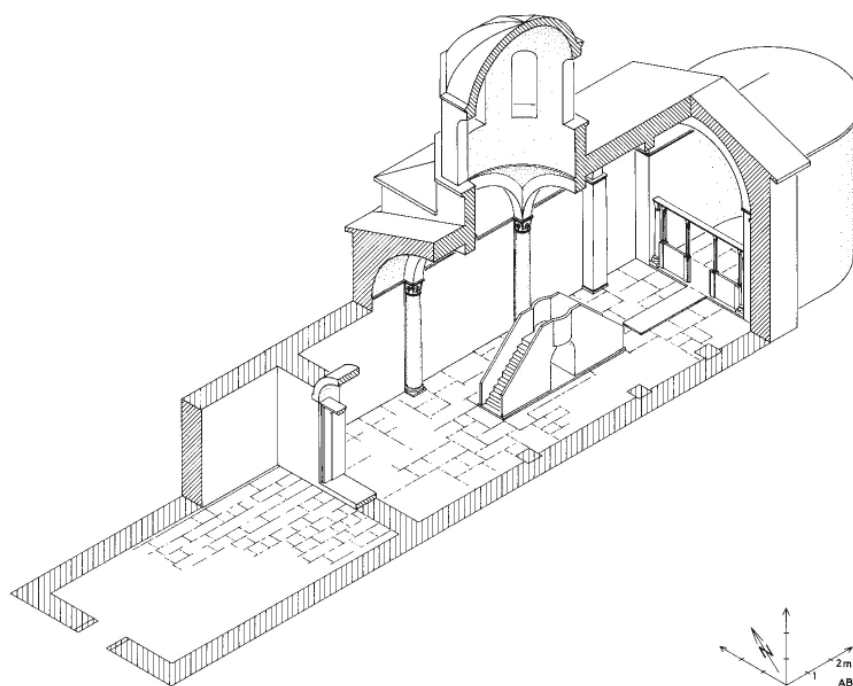
Ил. 5. Агиос Георгиос Склепиос в аттической Кареле. Разрез и план.
По изданию: Bouras Ch., Kalouyero-poulou A., Andreadi R. Churches of Attica. Athens, 1970. Fig. XXVIII

комбинация вариантов с пилястрами и без них (Элеуса близ Сикамина, Агиос Георгиос в лаконийском Кальюполисе). Особый вариант, с консолями, представлен в Агиос Георгиос Склепиос в Кареле, Аттика (ил. 5).

Как и на греческих островах, все континентальные «купольные залы» трехтравейные, но, в отличие от островов, у варианта с пилястрами травей преимущественно неравные, с тенденцией к уменьшению восточной травей. Уникальны две беотийские *Kuppelhalle*: анонимная близ Агии Феодори в Фивах, с северным пастофорием, и двухтравейный (с куполом на западной травее) Агиос Георгиос в Криекуки (обе XII век)³¹. Позднее, в эпоху господства крестоносцев, в Греции под западным влиянием «купольный зал» перерождается в храм с повышенным сводчатым трансептом³².

Крым. Возможно, что *Kuppelhalle* была представлена и в Крыму, причем в описанном выше особом ее варианте — с консолями. Фрагменты свода в виде полусферы были найдены в раскопанном в 2016 году зальном храме без пилястров в портовом районе Судака, причем там, куда не могла бы упасть апсида³³.

Малая Азия. В средневизантийской Малой Азии «купольный зал» известен преимущественно на побережье, взаимодействовавшем с островами Эгеиды и Кипром. Это храм к востоку от Багкур Эвлери в Никее³⁴, парэклесий в ионийской Анайе (Кадыкалеси)³⁵, храмы на террасе Афины в Пергаме³⁶, в Дигермен Бюкю в Карии³⁷, в ликийской Музле³⁸, Джилварда Бурну Килисе в памфилийском Калон Оросе (современная Аланья)³⁹ и монастырская церковь в галатском Богазкёе⁴⁰ — единственный представитель данного типа в Центральной Анатолии. «Купольные залы» Малой Азии, преимущественно трехтравейные (как и в Элладе, и на островах), не представляют собой, однако, типологического единства. В богатой споллиями Ионии купол опирается не на пилястры, а на приставленные к стенам или пилястрам колонны (ил. 6; сравни, например,

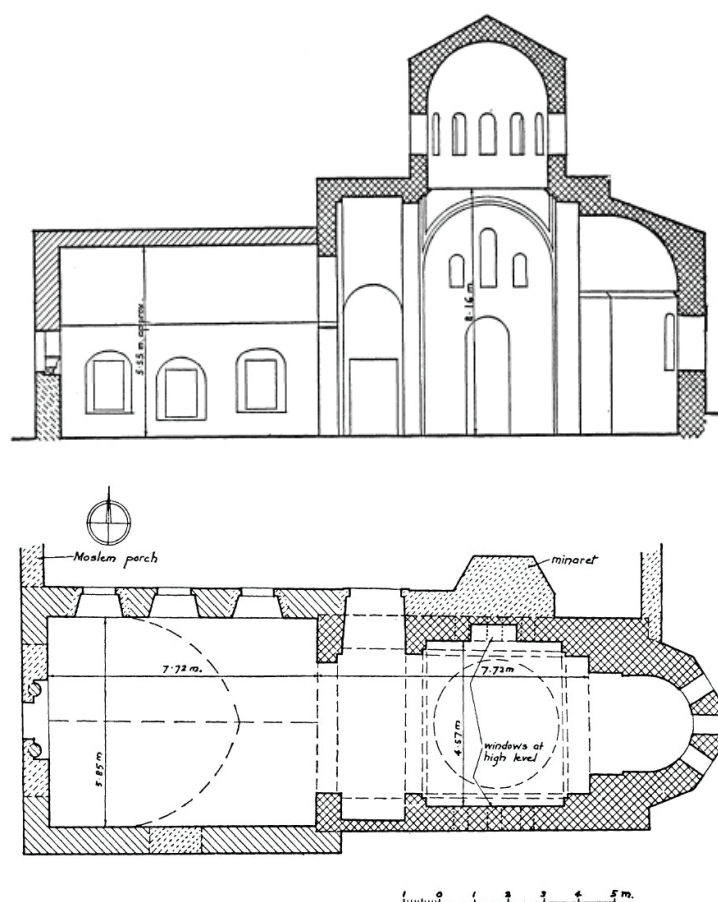

Ил. 6. Храм на террасе Афины в Пергаме. Реконструкция.

По изданию: Otten T. Das byzantinische Pergamon – ein Überblick zu Forschungsstand und Quellenlage // Byzanz – das Römerreich im Mittelalter. Teil 2/2. Mainz, 2010. S. 14. Abb. 10

южный зальный парэклесий в соборе Святого Николая в Мирах Ликийских). В крупной *Kuppelhalle* в Пергаме мы видим дополнительную травею-вину с востока, нартекс и амвон; в Дигермен Бюкю – крестовые своды, дополнительную травею с запада и известное в Греции и на островах сужение купола (как и в Богазкёе); в Аланье – известное там же утолщение боковых стен крайних травей. Таким образом, последние два «купольных зала», по всей видимости, связаны с архитектурной традицией островов, тогда как некий самостоятельный локальный феномен мы видим только в колонных *Kuppelhalle* Ионии. Форму трехтравейной *Kuppelhalle* имеет и центральная часть Западного храма в карийской Афродисиаде-Ставрополе (конец IX – начало X века), возможно, перестроенного из ранней базилики⁴¹: почти равный размер всех трех травей может указывать на влияние греческих островов.

К совершенно иной традиции принадлежат три близких по размеру двухтравейных купольных храма Понта, представляющих собой, по сути, компактно вписанный крест, в который открыт узкий нартекс: храмы Святого Филиппа в Трапезунте (ил. 7) и Святого Михаила в Платане (современный Акчаабат; перестроен) и Панагия в восточной крепости Триполи⁴². Во всех этих храмах обособление подкупольной ячейки подчеркнуто профилировкой пилястров только с ее стороны (переходящей в систему ступенчато повышающихся подпружных арок). Судя по тому, что восточная крепость Триполи была возведена трапезунтским императором Иоанном II, последний храм датируется 1280–1301 годами. Однако попытка Э. Брайера датировать тем же временем и всю группу лишь по сходству размеров вызывает сомнения: так, вынос пилястров в Триполи

Ил. 7. Церковь Святого Филиппа в Трапезунте:

1 – разрез; 2 – план.

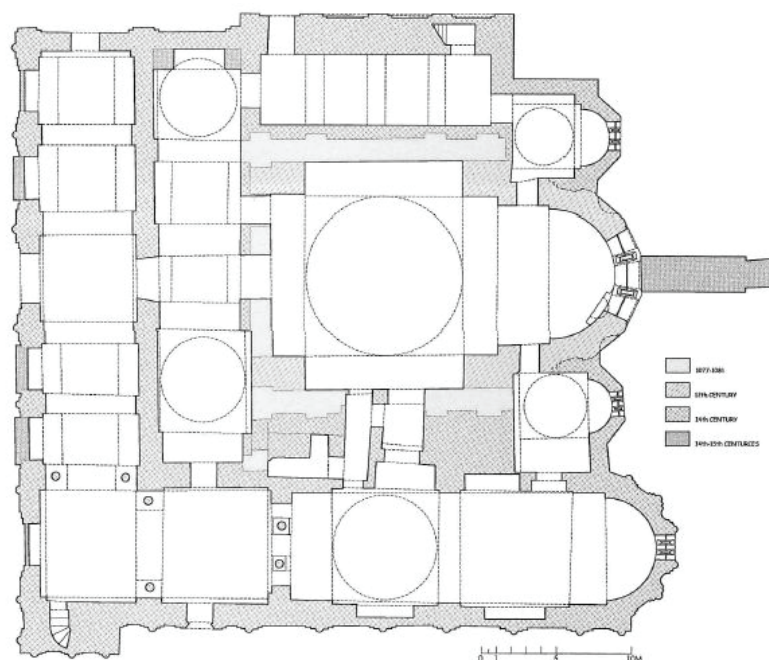
По изданию: *Ballance S. The Byzantine Churches in Trebizond // Anatolian Studies. 1960. Vol. 10. P. 160–161. Fig. 13*

значительно больше (что позволило устроить ниши в заплечиках апсиды), а декорация куполов в Триполи и в храме Святого Филиппа сильно различается. Учитывая тот факт, что история об основании церкви Святого Филиппа Анной, дочерью Алексея III (1349–1390), – это поздняя легенда⁴³, единственным датирующим признаком здесь оказывается уникальная декорация барабана в виде «геракловых узлов», в сочетании со «жгутом», как на фасадах октагона и надвратной церкви в южнопонтском Варзахане конца X века⁴⁴. Близкое сходство средне- и поздневизантийских храмов в Понте не удивительно, если учесть точное копирование архитектурой Трапезунтской империи ранних образцов и приемов восточно-понтской традиции⁴⁵. Принимая во внимание также наличие аналогичных храмов в соседних Тао и Эгриси в X веке, можно предположить, что данный тип церкви возник в Понте еще в IX веке из соединения открытого в наос нартекса с типом компактно вписанного креста, известным в это время в Малой Азии (например, Амбар Дер в Каппадокии⁴⁶ или парэклесий Ала Килисе в Ликаонии⁴⁷) и, конкретнее, в Трапезунте (точно не датированная Панагия Евангелистрия⁴⁸).

В пользу раннего происхождения данного типа в Понте может говорить и северная надвратная церковь в Халдском монастыре Спасителя в Сирменах (современный Бузлуджа Кале, Джанаер), основанном отцом Иоанна Халда, дуки Халдин, в конце IX века⁴⁹. Э. Брайер и Д. Винфилд не указывают тип церкви, от которой сохранился северо-западный угол и вся восточная часть, в том числе не выраженная снаружи апсида, хотя на их плане храм представлен как зальный. Они отмечают лишь начало сложно профилированной арки у северного плеча апсиды и видят в этом признак кавказского влияния. Однако курватура арки показывает, что та была шире, чем глухая арка, делящая боковую стену пополам, — ее ширина заставляет предположить здесь ступенчато повышающиеся подпружные арки (начало второй видно с востока), поддерживающие купол. Соответственно, весь храм относился к вышеописанному типу компактно вписанного креста с открытым в наос нартексом, хотя карниз под арками может, действительно, указывать на кавказское влияние. Вполне вероятно, что такой же план имел и южный надвратный храм. Датировку памятника помогает прояснить аналогия в виде другого редкого надвратного храма — в Варзахане близ Байбурта, — построенного и под трапезунтским влиянием (сравни «геракловы» узлы на фасадах церкви Святого Филиппа в Трапезунте), вероятно, в 979–989 годах. Учитывая вероятный приоритет сирменского храма и актуализацию темы надвратных церквей в связи с перестройкой Халки в 971 году Иоанном Цимисхием⁵⁰, происходившим из северо-восточной Анатолии, его можно датировать 970-ми годами.

Обратный случай — уникальный храм Святого Стефана на острове Нис на озере Акротирий (современный Эгридир Гёлю) в Писидии, известный только по описанию и фотографиям Г. Рота⁵¹. Здесь к компактно вписанному кресту присоединена с востока узкая ячейка такой же ширины, служащая вимой, так что такой тип лишь условно можно назвать «купольным залом». Судя по декору дверного косяка, это может быть и средне-, и поздневизантийский (если это сполния) памятник.

Константинополь. Впечатление «второстепенности» типа *Kuppelhalle* возникает также из-за его «нестолничности», хотя, на самом деле, он был хорошо известен в Константинополе, пусть и в специфических вариантах. Ко времени около 1100 года относится небольшой «купольный зал» — храм Святой Феклы (Токлу Деде Месджеди)⁵², который был южной частью большого храмового комплекса (из-за чего его северный фасад не проработан глухими арками, в отличие от южного; ил. 1, 10), то есть парэкклесием. План его представляет собой столничную переработку типологии «купольного зала» (но не трансформацию компактно вписанного креста, как хорошо видно из сравнения с одновременными памятниками типа кафоликонов монастырей Хора и Элегми): западная траврея превращена в изолированный купольный нартекс, а восточная — в виму, на что указывают типичные для Константинополя апсидиоли в торцах и ниши по сторонам от апсиды, что встречается как в Византии, так и на Кавказе. Парэкклесий Святого Михаила в монастыре Пантократора (1136 год или позднее) имеет форму «двухкупольного зала» с уменьшенной восточной ячейкой, перекрытой овальным куполом на дополнительных продольных арках⁵³. План этого парэкклесия, чьи аркосолии были предназначены для погребения членов династии Комнинов, однако, вряд ли связан с традицией ранневизантийских «двухкупольных залов», но определен, прежде всего, его встраиванием между храмами Христа и Богородицы Элеусы и схемой расположения их опор. Не менее своеобразен еще один столничный (погребальный) парэкклесий — при кафоликоне

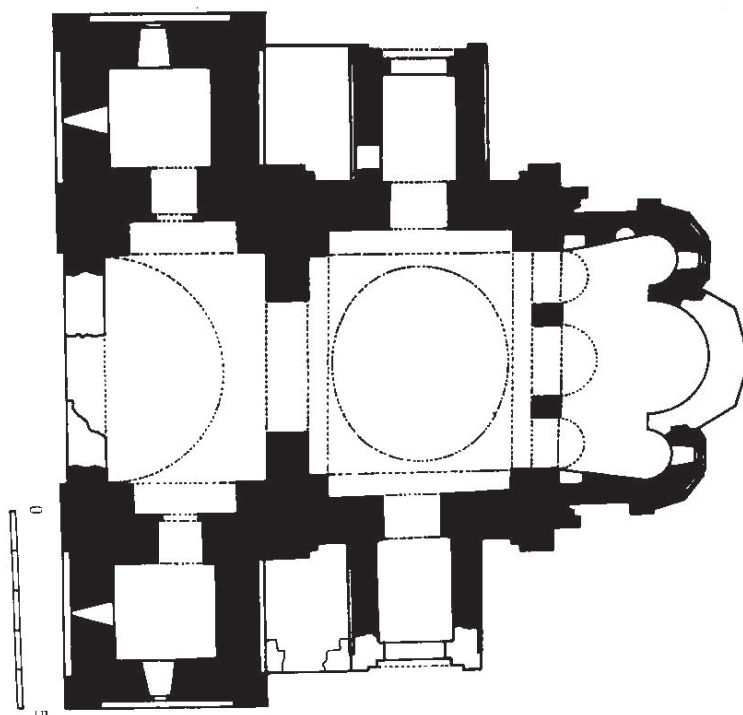
Ил. 8. Кафоликон и парэκκлесий монастыря Хора в Константинополе. План.
По изданию: *Marinis V. Architecture and ritual in the churches of Constantinople: ninth to fifteenth centuries. New York, 2014. Fig. VI-1*

монастыря Хора, построенный в начале XIV века⁵⁴: две трапезы фланкированы очень широкими пилястрами, а купол помещен над западной трапезой, чтобы уравновесить общий объем придела, имеющего также подобие собственного нартекса (ил. 8). Таким образом, в Константинополе «купольный зал» не образует единой традиции, а используется для придельных храмов, но при этом весьма важных по своей функции (погребение Комнинов в парэκκлесии Святого Михаила, Феодора Метохита в Хоре). Архитектурные детали и декор показывают, что во всех случаях парэκκлесии-*Kuppelhalle* выполнены полностью в традициях столичной архитектуры соответствующей эпохи.

Балканы. Первому Болгарскому царству тип «купольного зала» был чужд, но после византийского отвоевания Балкан в начале XI века появляется там, причем почти всегда в варианте с пилястрами. Так, вполне типична для Византии конструкция трехтрапезного храма в Горнем Матеевце близ Ниша (первая половина XI века?), с большей центральной трапезой и суженным куполом⁵⁵, а также македонских храмов конца XIII – первой половины XIV века в Трескавецком и Полошском монастырях, Святого Николая на реке Треска и других⁵⁶. Трехтрапезные *Kuppelhalle* встречаются и во Втором Болгарском царстве (храм Святого Димитрия в Тырново (с апсидами в торцах западной трапезы), храм № 4 на Трапезице, Святых Архангелов в Бачкове, храм № 1 и, возможно, храм № 5 в Червене), в т. ч. в уникальном варианте – с расширением центральной трапезы за пределы общего абриса (храм в крепости Урвич)⁵⁷. Увеличенная во всех них центральная трапеза говорит в пользу того, что этот тип пришел сюда из Эллады через Македонию, которую с ними связывает строительная техника.

Особый тип храма расцветает с последней трети XII века в архитектуре сербской Рашки, куда его приносят византийские мастера, построившие храм Святого Николая в Куршумлии (ил. 9). Как и в случае Трапезунта, по своему происхождению это компактно вписанный крест с нартексом, открытым в наос, к которому с востока примыкают, однако, не одна, а три разделенные стенками апсиды с вимами, появившиеся здесь, вероятно, под влиянием «престижного» типа «октагона на тропях». Этому авторитетному образцу недолго следуют дальнейшие местные модификации данного типа (Джурджеви Ступови и Студеница)⁵⁸, но затем зальность интерьера здесь быстро теряется за счет открытия внутрь боковых притворов (начиная с Жичи). Впрочем, благодаря авторитету Студеницы «ранний рапский» тип просуществовал в Сербии и Македонии до начала XV века (например, Белая церковь в Каране, храмы в Шишеве, Матке; сравни похожие на «купольные залы» триконхи Моравской Сербии)⁵⁹, а также повлиял на построенный около 1200 года храм Богородицы бенедиктинского монастыря в далматинском Млете⁶⁰ и на архитектуру Второго Болгарского царства (церковь в Асеновой крепости, храмы № 1 и 2 в Червене, Святых Архангелов в Месемврии, два последних — также с апсидами в торцах западной траверсы)⁶¹. Некоторые болгарские «купольные залы» (типа церкви в Асеновой крепости) демонстрируют еще одно преимущество типа: в случае постановки храма на хребте горы он оказывается единственной возможностью возвести купольное здание.

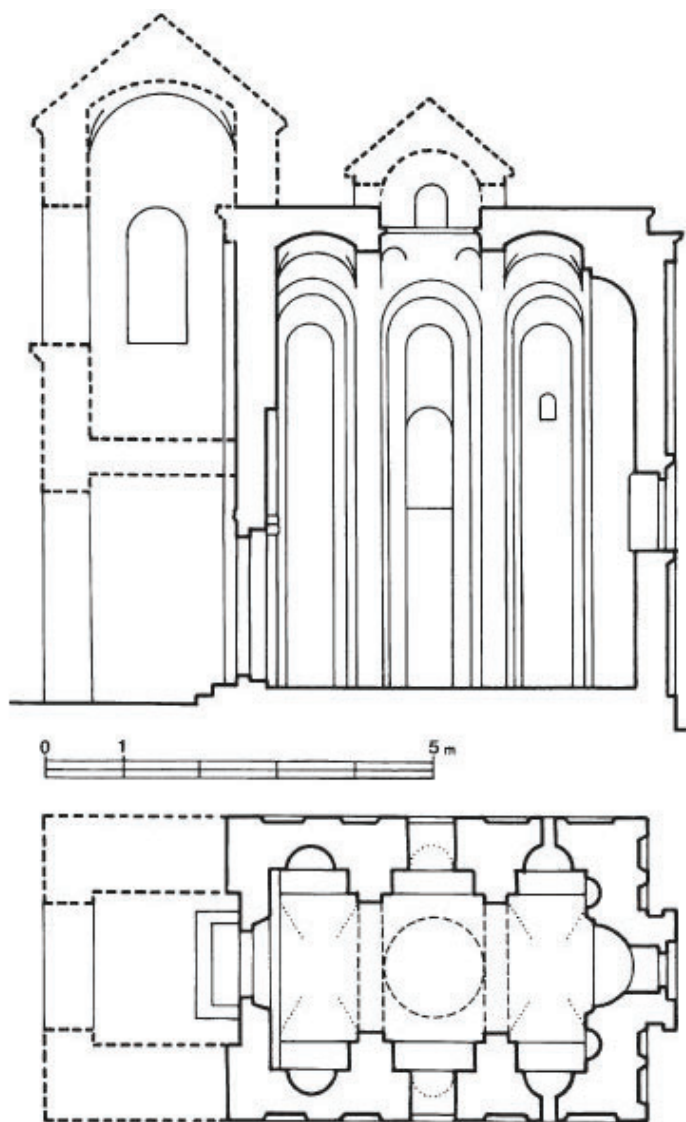
Особняком стоят «купольные залы» южнодалматинского побережья. Еще раньше рапских храмов, во второй половине XI века (?), здесь возникает трехтравейный

Ил. 9. Храм Святого Николая в Куршумлии. План.

По изданию: *Ћirić S. Architecture in the Balkans from Diocletian to Suleyman the Magnificent*, c. 300–1550. London ; New Haven, 2010. Fig. 559

вариант с большей центральной травеей (храмы Святого Петра в Прико близ Омиша, Святого Луки в Которе)⁶², однако сходства с византийскими «купольными залами» здесь мало – архитектурная декорация и глухой купол указывают скорее на его апулийские истоки⁶³. Влиянием соседней Апулии легче всего объяснить скорое появление здесь варианта с тремя одинаковыми узкими травеями, типичными для местного типа зального храма, что приводит к хорошо известному нам сужению купола относительно ширины поперечных подпружных арок (храмы Святого Михаила в Стоне (ил. 10), Сигурате в Дубровнике, Святого Михаила Печинского на острове Шипан, Святого Иоанна на Лопуде, храм С в Ратце и Святого Фомы в Кутимах⁶⁴).

Ил. 10. Храм Святого Михаила в Стоне. Разрез и план.

По изданию: *Корач В.* Прилог познавању једнобродних црква са куполом на Дубровачком подручју // Зборник радова Византинолошког института. 2007. Т. 44. С. 129–143

Итак, на большей части территории Византийской империи существует только один тип «купольного зала»: с куполом над центральной из трех травей, демонстрирующий при этом разные варианты опор купола, размера травей и купола, глухих арок и т. п. Его редкая модификация – пяти травейная *Kuppelhalle* на Кипре и Крите, а также, вероятно, константинопольские «купольные залы» (без западной травей в Токлу Деде Месджид; со смещением купола на западную травей в парэклесии монастыря Хора). С этим типом генетически не связаны иные способы размещения купола над прямоугольным наосом, которые мы видим лишь на периферии византийского мира, где они образуют, однако, группы устойчивых локальных типов (связь между которыми неясна): «лидийский» и «апулийский», с двумя одинаковыми травеями; «кампанский», «понтский» и «сербско-болгарский», с соединением компактно вписанного креста и нартекса. Другой важный вывод заключается в том, что различные варианты «купольного зала» получили на территории империи, без сомнения, широкое и, что важно, раннее распространение. Существование различных вариантов *Kuppelhalle* на рубеже IV и V веков (в Мариальбе и Иераполе) и в VI веке (в Филадельфии, Сардах и Рутильяно) освобождает нас от необходимости искать прототипы этого архитектурного типа как в иранском зодчестве, так и в нехристианской и, тем более, некупольной архитектуре Рима⁶⁵.

Кавказ

Однако в историографии кавказской архитектуры по сей день⁶⁶ распространена идея Стрижовского об ирано-кавказском происхождении «купольного зала»⁶⁷. Австрийский исследователь выделил несколько типов *Kuppelhalle* в Армении, но не выстроил четкой их хронологии. Такая хронология для ранних построек данного типа, с идентичной планировкой, была создана в трудах ученых второй половины XX века, и в 2000-х годах стала почти общим мнением: первой была церковь Погос-Петрос в Зовуни, перестроенная в VI веке из зального храма без пастофориев (подобно Мариальбе), затем по ее образцу были построены храмы в Птгни и Ддамашене и, наконец, в 660-х годах возникает самый большой и проработанный собор в Аруче (ил. 1, 1)⁶⁸. Иную версию, оставшуюся незамеченной на Западе, высказал А. Ю. Казарян⁶⁹: первым был самый крупный и новаторский собор в Аруче, а остальные вышеперечисленные храмы развивают его типологию, на что указывают более проработанные и дробные их детали (в т. ч. дополнительная профилировка пилястров в подкупольном квадрате в Птгни и Зовуни); храм же в Ддамашене мог быть построен и в конце IX – начале X века. При этом для отдельных из этих памятников прежде предлагались и более ранние датировки. Не нашла особого признания за пределами Грузии гипотеза Г. Н. Чубинашвили, который относил армянские «купольные залы» ко времени не ранее X века – от нее отказалась, пусть и несколько завуалированно, даже автор последней работы по грузинским *Kuppelhalle*⁷⁰. В любом случае, к настоящему моменту общепризнано, что доарабские армянские *Kuppelhalle* возникают не позднее, но и вряд ли ранее VII века.

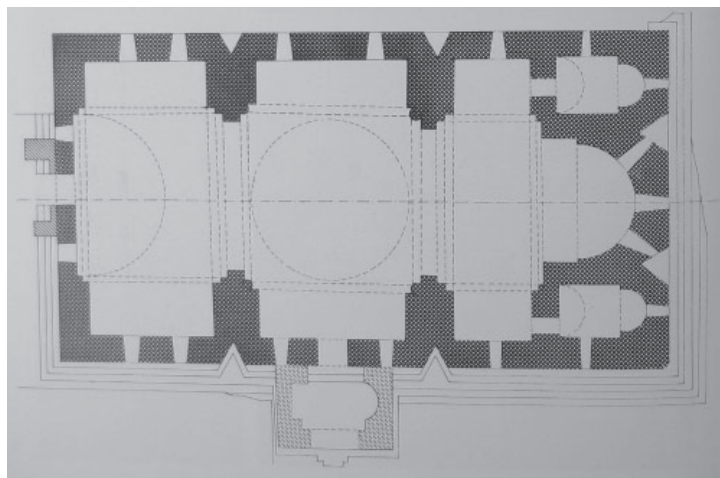
Армянские земли. Армянские «купольные залы» VII века, сосредоточенные в одной области – Арагацотн, – образуют отдельную, довольно однородную группу, которую, помимо общих для ранней армянской архитектуры черт, отличает наличие трех элементов: сильно выступающих, сложно профилированных на торце пилястров, трех травей и пастофориев. Первые два элемента роднят ее с византийскими памятниками того же типа: три травей типичны для основного византийского типа «купольного

зала», а сильно вынесенные опоры-пилястры имеются, например, в западноанатолийских *Kuppelhalle*, где они создают аналогичный эффект крестообразности подкупольного пространства (и, как следствие, оформление этих боковых «рукавов» снаружи по подобию храмов типа вписанного креста). В конструкции армянских «купольных залов» VII века нет никаких специфических отличий от их ранневизантийских собратьев, кроме наличия пастофориев, которые полностью отсутствуют в *Kuppelhalle* византийского мира (кроме рапских памятников, имеющих, однако, иное происхождение) и обусловлены здесь прямоугольной формой восточного фасада.

Армянские «купольные залы» VII века подражают друг другу, но построены разными мастерами, на что указывает, в частности, тип перехода к куполу: если в Птгни и, вероятно, Зовуни это традиционные тромпы, то в Аруче и Ддмашене – заимствованные из Византии паруса. Если мы принимаем вполне обоснованную гипотезу Казаряна о первенстве Аруча среди армянских *Kuppelhalle* VII века (а на это указывает также масштаб и значение храма), то это еще одно указание на заимствование данного архитектурного типа в Армении из Византии в 682 году (в связи с возобновлением византийско-армянского союза) и отсутствие местных предпосылок к его созданию⁷¹.

После длительного перерыва в армянском церковном строительстве, в конце IX века, по «престижному» образцу Аручского собора создается храм царской резиденции в Ширакаване (890–914). После этого, а также в связи с возведением аналогичного собора в Аргине католиком Хачиком (972–992) «купольные залы» получают в Армении широкое, как нигде, распространение: всего их насчитывается более полусотни⁷². Этот тип, всегда с пастофориями и общим вписыванием в прямоугольный абрис, становится чуть ли не доминирующим в послеарабской купольной архитектуре армянских земель, причем практически копирует доарабские образцы, в том числе и большой вынос пилястров, создающий внутри и снаружи эффект храма типа вписанного креста. Эти пилястры настолько велики, что в их боковых сторонах могут помещаться малые пилястры, устраиваться ниши и даже проходы, а снаружи в них порой врезают треугольные ниши, – такой тип храма можно условно обозначить как «крестово-купольный зал» (ил. 11). Другой тенденцией становится сокращение восточной трапеи (наметившееся еще в доарабских *Kuppelhalle*) до узкой предапсидной вимы и даже ее полное исчезновение в большинстве памятников, что позволяло уравновесить объем здания (первые примеры – Святая София в Варагванке, конец X века; Сурб Аствацацин в Бжни, 1031 год; Сурб Григор в Кечарисе, 1033 год). С середины XI века мы видим и двухтрапезные «купольные залы» без пастофориев (Сурб Ншан в Кечарисе, 1051 год), которые восходят скорее к доарабским памятникам типа Зовуни, чем к трапезунтским или картвельским аналогам IX–X веков. Из сильного выноса пилястр также рождается еще один вариант *Kuppelhalle* – с выделением западных угловых ячеек в отдельные компартименты⁷³, что окончательно превращает такие храмы в постройки типа вписанного креста. Еще одна тенденция, наметившаяся уже в Птгни и Зовуни, – сложная профилировка пилястров в подкупольном квадрате. Напротив, в позднем Средневековье «купольный зал» в армянской архитектуре сходит почти на нет.

Картские государства и Абхазское царство. Ситуация в картвельских землях выглядит куда более запутанной, во многом из-за их политической раздробленности и отсутствия точной датировки у храмов. Долгое время первой *Kuppelhalle* здесь считалась центральная часть храма Квелацминда близ кахетинского Вачнадзани, пока Н. Г. Чубинашвили⁷⁴ не

Ил. 11. Храм в Шидакарте. План.

По изданию: *Cuneo P. Architettura armena dal quarto al diciannovesimo secolo*. Roma, 1988. P. 682

предложил на эту роль протагониста, причем сразу для всего Кавказа, крохотный храм Святого Георгия в Двани в Шида-Картли (ил. 1, 5), с двумя травеями (западная вполонину меньше центральной). Он датировал его третьей четвертью VI века, видя в нем сходство с компактно вписанными крестами малой церкви Джвари и Святой Троицы в Икалто и предполагая здесь слияние аналогичного наоса с нартексом, что, как мы видели, имело место и в византийском мире (в Трапезунте и Рашке). Впрочем, церковь Святой Троицы в Икалто не имеет точной датировки, но сам монастырь был основан преподобным Зиномом лишь в самом конце VI века, а малая церковь Джвари (храм Богородицы) впервые фиксируется в середине VII века и не могла быть построена раньше большого храма, законченного только около 640 года⁷⁵. Кроме того, оба этих храма типа компактно вписанного креста не имеют купола.

Новейшее исследование Н. Генгиури⁷⁶, впервые обобщившей грузинские примеры *Kuppelhalle*, показало, что купол храма изначально был убран под двускатную кровлю. По этому признаку — наряду с другими, из которых большинство (лонгитудинальность плана, слабая освещенность, боковой вход у пилястра, непрофилированные пилястры), впрочем, встречаются и в другие эпохи и не являются определяющими, — она справедливо связала его с аналогичными памятниками «переходного периода» (Армази, 864 год; Цирколи; Инаури; церковь Святой Марины в Зегани), датировав VIII веком. Действительно, этот уникальный признак вписывает Двани в ряд «экспериментальных» храмов того же региона (левобережной Шида Картли), в каждом из которых проблема размещения купола решается по-разному: в Инаури наос сведен к чистому квадрату, в Цирколи к нему добавлен отгороженный двойной аркой (введена для поддержки хор) нартекс, который в Двани полностью открыт в наос. Однако в настоящий момент старая широкая датировка этой группы VIII–IX веками представляется неоправданной и группу — вместе с храмом Святого Георгия в Двани — следует относить ко второй половине IX века⁷⁷.

В таком случае встает вопрос о современности «купольного зала» в Двани группе *Kuppelhalle* Юго-Западной Грузии середины IX — X века, состоящей из аналогичных двухтравейных церквей в Парнаки (из-за раннего разрушения не поддается датировке⁷⁸)

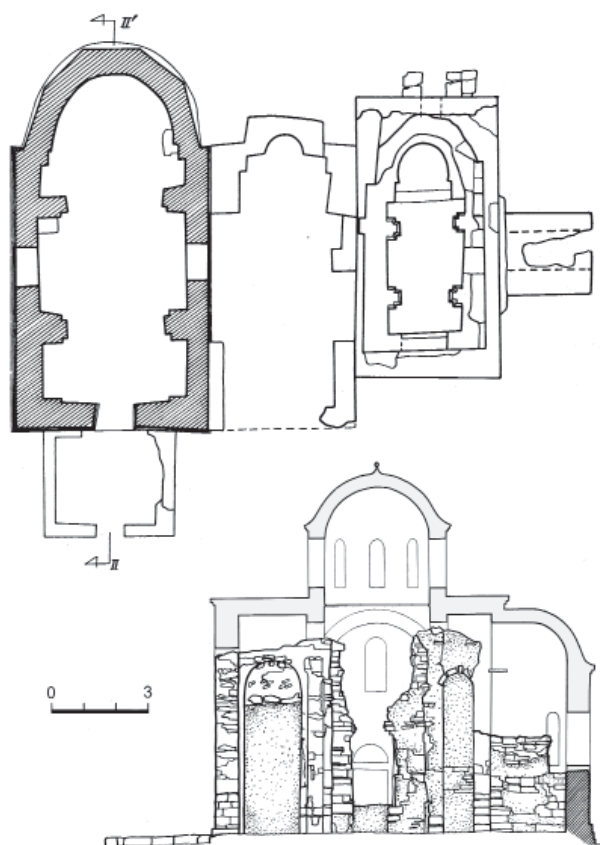
и Соломон-Кале в Тао (середина X века?⁷⁹) и удлиненного еще на одну западную травею и снабженного пастофориями храма в Цкаростави в Кларджетии (ил. 1, 6–7). Маловероятно, что от глубоко провинциального дванского «купольного зала» второй половины X века в левобережной Шида Картли зависят намного более качественные *Kuppelhalle* Юго-Западной Грузии, тем более что самая крупная и сложная из них – в Цкаростави, которую можно отождествить с монастырским храмом будущего мцхетского католикоса Иларiona (840–850⁸⁰), – построена, вероятно, раньше. В Цкаростави, однако, есть три важных отличия от остальных перечисленных памятников: к западу от купола имеются не одна, а две травеи (что позднее станет типичным для купольной архитектуры региона), апсиду фланкирует с севера пастофорий, который мог быть и с юга, и который неизвестен в ранних грузинских «купольных залах», но почти обязателен в армянских, так же, как и сильно вынесенные и профилированные на торцах пилястры. Впрочем, предположению о творческой переработке армянского образца в Цкаростави, то есть в карто-армянской контактной зоне, противоречат три обстоятельства. Во-первых, судя по датировке храма 840–850 годами, это должна была бы быть доарабская *Kuppelhalle* в Арагацотне, который, однако, географически слишком удален от Кларджетии. Во-вторых, купол здесь помещается на восточной, а не на центральной травее. В-третьих, пастофорий в Цкаростави, в отличие от всех армянских «купольных залов», значительно выходит за пределы общего прямоугольного абриса здания, что указывает скорее на некую творческую попытку создать необходимый заказчику объем (как и в случае присоединения дополнительной травеи с запада). Можно было бы даже предположить, что здесь, в первом купольном храме в послеарабской Юго-Западной Грузии, мы видим архитектурный эксперимент (как в близкой ему по времени и также уникальной по плану крестово-купольной церкви в Артануджи⁸¹) – независимое изобретение «купольного зала», самого простого типа купольного храма. Это объяснило бы и его уникальную форму с куполом над восточной из трех травей.

Однако этому противоречит типологическое сходство храма в Цкаростави с таоскими *Kuppelhalle*, в Парнаки и Соломон-Кале, где купол также поставлен на восточную ячейку (как в армянских «купольных залах» после середины XI века); в Соломон-Кале аналогична и профилировка пилястров. Отмеченная Генгиури⁸² необычная для «купольных залов» разность в глубине глухих арок в боковых стенах⁸³ в Соломон-Кале заставляет предположить, что эти храмы, действительно, представляют собой соединение подкупольного квадрата с открытым в наос нартексом. Такое предположение Н. Г. Чубинашвили высказал для храма Святого Георгия **Двани**, где (как и в Парнаки) изначальная гетерогенность ячеек, однако, уже не ощущается, и синтез типа, соответственно, был менее вероятен.

Еще один двухтравейный храм такого же типа известен в сопредельной Трапезунту Западной Грузии – Эгриси, входившей с конца VIII века в Абхазское царство. Это маленькая церковь в Нажахово⁸⁴ (ил. 1, 4). Выраженная снаружи полукруглая апсида и три притвора у западного, северного и южного входов характерны для той же «восточно-понтийской» традиции и, вместе с типом керамических антефиксов, заставляют отнести данный памятник к X веку⁸⁵. Как и в Соломон-Кале, западная травея здесь вдвое уже восточной, а изначальная гетерогенность объемов также еще ощущается благодаря дополнительной профилировке на южных пилястрах со стороны купола (связанных, очевидно, со ступенчато повышающимися подпружными арками, типичными для

«абхазской» школы и Трапезунта). И вот тут следует вспомнить, что такой синтез, по всей вероятности, уже произошел в Трапезунте, который был чрезвычайно авторитетен как для Абхазского царства, так и для Юго-Западной Грузии, служа для нее, в частности, источником архитектурных моделей⁸⁶, — поэтому логично предположить, что именно оттуда и был принесен в картвельские земли данный тип двухтравейного «купольного зала», увеличенный в Цкаростави на одну западную травею.

Еще один представитель трехтравевой *Kuppelhalle* в «восточнопонтийской» архитектурной традиции — уникальный комплекс из примыкающих друг к другу двух или даже трех таких «купольных залов» в абхазской Бамборе (ил. 12)⁸⁷. Северный храм — самый большой, с пятигранной снаружи апсидой, глухими арками на северной и южной стене, притвором с запада и столиком протесиса у северо-восточного пилястра. Южный храм представлял собой уменьшенную копию северного, но был поставлен на высокую платформу, содержащую внутри сводчатый склеп с восточным входом-лазом. В центральном храмике, зажатом между двумя вышеописанными, с боков есть пилястры, возможно также поддерживавшие купол. Весь храмовый комплекс (кафоликон, парэклесии и костница) принадлежал, очевидно, монастырю, выстроен в традициях «абхазской» школы и, судя по фрагменту надписи, был заказан абхазским

Ил. 12. Храм в Бамборе. План и разрез. По изданию: Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Бамборский храм и проблема «купольного зала» в Византии и на Кавказе // РА. 2012. № 3. С. 99. Рис. 2

царем Георгием II в 925–957 годах. Соответствие всех «купольных залов» в Бамборе, провинциально-византийских по своей архитектуре, стандартной для Византии трехтравейной модели (в варианте с пилястрами) заставляет предполагать приход этого типа сюда с территории империи – возможно из Малой Азии, но не из Трапезунта. Аналогичную, но сильно упрощенную типологию отражает храм Сорока мучеников в Нокалакеви – Цихе-Годжи (ил. 1, 2), который был построен тоже в X веке на месте ранней базилики, разрушенной вместе со всей древней столицей Лазики около 737 года⁸⁸. Форму трехтравейного «купольного зала», без пилястров, имеет здесь достаточно обособленный прямоугольный наос, окруженный с трех сторон обходом (ср. Западную церковь в Афродисиаде).

Под влиянием храмов типа бамборских, возник, очевидно, и трехтравейный «купольный зал» рубежа X–XI веков в Никози в левобережной Шида Картли (ил. 1, 3). Строительная техника, элементы и фасадный декор здесь восходят к архитектуре Тао, что типично для эпохи Баграта I. Об этом говорит чисто каменная кладка, сложная профилировка подпружных арок, композитные паруса со вставками тромпов-«раковин» и декор интерьера, порталов и барабана. Несмотря на трехтравейную композицию с куполом по центру и сильно вынесенные профилированные пилястры, в Никози не видно подлинного родства с современными армянскими «купольными залами»: пастофории отсутствуют (их заменяют ниши в заплечиках апсиды), а сама апсида выражена снаружи, что характерно для Абхазии и Эгриси, также вошедших в державу Баграта I и повлиявших на его «синтетический» архитектурный стиль.

Влияние византийской трехтравейной *Kuppelhalle* заметно и в храме Квелацминда (Все-вятая, т. е. Богородица) близ Вачнадзидани (Кахетия; ил. 1, 8) первой половины XI в. (?). Помимо ряда других византийских по происхождению элементов, явно не кавказское происхождение имеет здесь центральный объем, выполненный в виде «купольного зала» (сравни храмы в Афродисиаде и Нокалакеви) с куполом на парусах и окруженный внизу глухим трехсторонним обходом, как в типичной для Восточной Грузии «трехцерковной базилике», а на втором ярусе – хорами, как в византийской «купольной базилике».

После долгого перерыва⁸⁹ «купольные залы» возвращаются в восточногрузинскую архитектуру уже в XVI–XVIII веках, однако, судя по типологии, они не связаны с ранними грузинскими *Kuppelhalle*. Обязательное наличие пастофориев в сочетании с сильно вынесенными профилированными пилястрами сближает их скорее с армянским вариантом «купольного зала», причем как двухтравейным (Джварис-Мама, Губани, храм Святого Николая в Грени), так и трехтравейным (Кулбиги⁹⁰), хотя их строительная техника и декорация вполне вписываются в традиции Картли и Кахетии. Еще один интересный местный феномен XVIII века, параллельный развитию «купольного зала» в Греции, – появление *Kuppelhalle* без пастофориев, но с суженным относительно поперечных подпружных арок куполом (Бодорна, Манави, Квашети, Мелаани⁹¹), причем как в двух-, так и в трехтравейном варианте (в последнем с куполом над центральной или восточной травей).

Таким образом, историю типа *Kuppelhalle* на Кавказе можно реконструировать следующим образом. Первым, в 682 году, здесь закладывается, вероятно, по византийскому трехтравейному образцу, собор в Аруче, которому подражают еще два или три доарабских храма по соседству. В самом конце IX века *Kuppelhalle* возрождается и распространяется по всей Армении в виде «крестово-купольного зала» с пастофориями, подвергаясь

также усечению восточной травей и пастофориев. С середины IX века в Юго-Западной Грузии независимо от этого заимствуется трапезунтский храм типа компактно вписанного креста с открытым в наос нартексом. При этом, если в Тао он воспроизводится практически без изменений, то в кларджетском Цкаростави к нему добавляется пастофорий и дополнительная ячейка с запада – удлинение западного рукава превратится затем в данном регионе в устойчивую традицию. Из Трапезунта такой тип храма проникает и в Эгриси (Нажахово), а оттуда или из Юго-Западной Грузии – и в Шида Картли (в Двани). При этом в каждом случае данный тип вписывается в рамки местной архитектурной традиции. Из какого-то другого византийского региона (из Малой Азии?) в Абхазию приходит обычная трехтравейная *Kuppelhalle*, которая встречается в комплексе из двух или трех «купольных залов» в абхазской Бамборе (925–957) и повлияла на храм в Никози (рубеж X–XI веков). Позднее «купольный зал» проявится только в Восточной Грузии в XVI–XVII веках в двух изводах: «армянском» и без пастофориев, но с уменьшенным куполом.

Заключение

Проведенный нами анализ храмов с куполом над несколькими объемами, нанизанными на одну ось и лишенных свободно стоящих опор, то есть тех, которые могут быть обозначены как «купольные залы», показывает существование двух разных по происхождению конструкций церковного здания.

Одна, причем самая распространенная из них, – это «подлинная» *Kuppelhalle*, построенная на двух базовых принципах: 1) это тип, возникший *самостоятельно*, а не в результате трансформации другого архитектурного типа; 2) ее прямоугольный наос разделен опорами купола на ряд *одинаково устроенных* ячеек-травей. Такая трехтравейная *Kuppelhalle* (которую и имел в виду Стржиговский, формулируя данный термин), с куполом над центральной травеей, – наиболее древняя (фиксируется с рубежа IV–V веков) и распространенная (Испания, Апулия, Эллада, греческие острова, Малая Азия, Абхазия, Армения, Восточная Грузия) среди всех «купольных залов». В свою очередь, внутри этого типа существуют различные варианты опирания купола, размера травей и купола, наличия глухих арок и дополнительных компартиментов. Так, можно выделить устойчивые подтипы с пилястрами (повсеместно) и с утолщением боковых стен крайних травей (в Элладе и на греческих островах); с уменьшенными крайними травеями (самый древний и повсеместный), со значительным уменьшением восточной ячейки (в Армении) и с тремя близкими по размеру травеями (на греческих островах); с куполом в ширину поперечных подпружных арок (повсеместно) и с суженным куполом (в Греции и поздней Грузии); с одной апсидой (самый древний и повсеместный) и с пастофориями (на Кавказе). Развитием данного типа стали крайне малочисленные пяти- и четырехтравейные «купольные залы» Крита и Кипра и четырехтравейная *Kuppelhalle* в Лукании, сохраняющие, однако, купол в центре наоса, равно как и варианты, порожденные сокращением восточной травей до узкой вимы, а затем и полным ее исчезновением в послерабской Армении и поздней Грузии. Большую свободу в трактовке типа «подлинной» *Kuppelhalle* демонстрирует Константинополь XII–XIII веков, трансформируя травей и смещая купол. Что же касается отдельных деталей (число входов, система освещения, выраженность апсиды), то здесь «купольные залы» различных регионов следуют местным архитектурным традициям.

От «подлинных» *Kuppelhalle* следует отличать такие типы «купольного зала», которые произошли из трансформации других типов купольного храма. Во-первых, это «двухкупольные залы» с двумя равными по размеру ячейками, существующие в двух изводах. Один, с куполами над строго квадратными ячейками, — фригийско-лидийский, локальный, но очень масштабный, возник в начале V века из сокращения числа травей и «обрезания» боковых нефов западноанатолийской «многокупольной» базилики. Другой, вероятно, также происходящий из сокращения «двухкупольной базилики», фиксируется с ранневизантийского времени в Южной Италии: ячейки здесь не обязательно квадратные, а западный купол может заменяться на свод. Окаzionaliными причинами (необходимостью встраивания между двух храмов) объясняется позднее появление двухкупольной *Kuppelhalle* в константинопольском монастыре Пантократора (1136 год).

Второй тип происходит из соединения открытого в наос узкого нартекса с компактно вписанным крестом, сохраняющим здесь свои отличительные особенности в виде атрофированных «рукавов» и профилировки подкупольных опор. Этот тип возникал, по всей видимости, независимо в двух или трех местах. Во-первых, в Трапезунте IX века, откуда он оказал влияние как на поздневизантийскую архитектуру Понта, так и на сопредельные картвельские земли: Эгриси, Тао, Шиди-Картли; в кларджетском Цкаростави к нему была добавлена дополнительная ячейка с запада и пастофорий. Независимо от этого трапезунтского типа, такое же соединение произошло в Кампании IX–X веков (?) и в ранних (вторая половина XII века) храмах сербской Рашки, представляющих собой аналогичное соединение, но только с трехчастным алтарем (вероятно, под влиянием «престижного» типа октагона на трюмах).

Впрочем, и в других типах *Kuppelhalle* увеличение выноса пилястров (преимущественно в храмах с крупным куполом) приводит к появлению укороченных боковых рукавов, выраженных также снаружи, и сближению «купольного зала» с вышеупомянутым типом компактно вписанного креста, что порождает в послерабской Армении тип «крестово-купольного зала». Более того, в Армении сокращение восточной ячейки трехтравейной *Kuppelhalle* приводит в середине XI века к появлению ее двухтравейного варианта (с меньшей западной ячейкой), близкого по плану трапезунтско-картвельскому и рашскому типу, имеющим, однако, совершенно иные истоки. Но и последний тип в картских землях теряет следы своего происхождения из компактно вписанного креста, делая ячейки гомогенными наподобие «подлинной» *Kuppelhalle*. Напротив, «подлинный» трехтравейный «купольный зал» уже в доарабской Армении начинает развивать профилировку подкупольного квадрата, подобно типу, происходящему из компактно вписанного креста. Эти важные детали показывают, что, несмотря на отличие в происхождении, различные типы «купольного зала» могут прийти к одинаковому результату, обладающему тождественными характеристиками.

Эти характеристики, на наш взгляд, и определяют успех «купольного зала» в восточнохристианском мире: вопреки бытующим представлениям, выясняется, что он был распространен, особенно с послерабского времени, почти во всех регионах восточнохристианского мира, а в некоторых стал даже доминировать, взаимодействуя при этом с другими архитектурными типами. Редкие исключения (типа Древней Руси) показывают тесную связь *Kuppelhalle* с Византией и общим процессом развития ее церковного зодчества. Этих сущностных характеристик несколько. Во-первых, «купольный зал» — это древнейший и простейший путь соединения лонгитудинального и купольного

здания в церковной архитектуре. Во-вторых, это самый легкий для возведения тип купольной церкви, наряду с атрофированным *croix libre* и компактно вписанным крестом. В-третьих, это почти единственный вариант купольного храма для узких площадок (типа гребня горы), а также наиболее удобный тип для купольного парэклесия. В-четвертых, интерьер «купольного зала» демонстрирует максимальную компактность и обзорность, не расчленяясь преградами и делая видимым отовсюду алтарь. В-пятых, несмотря на неизменность общей конструкции, «купольный зал» способен к вариациям, обусловленным функциональными или художественными задачами. Тип *Kuppelhalle*, действительно, многофункционален: увеличиваясь или уменьшаясь по необходимости в размерах при помощи масштаба опор и ячеек, она может служить и епископским собором, и приходской церковью, и монастырским кафоликоном, и погребальным приделом. Популярность этого типа была столь велика, что его даже использовали для оформления центрального ядра в постройках других типов, от Карики до Кахетии.

- ¹ В данной научной работе использованы результаты проекта «Модели представления прошлого в Средние века и раннее Новое время», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2019 г.
- ² Отдельные замечания см. в: *Μπούρας Χ. Άγιος Στέφανος Ριβίου Αχαρνάνιας* // *Επιστημονική ἐπετηρίς Πολυτεχνικής Σχολής*. 1968. Τ. 3. Σ. 47–53; *Κοράι Β.* Једнобродна црква са куполом у византијској архитектуре XI и XII века // *Измену Византије и Запада. Одабране студије о архитектури*. Београд, 1987. С. 77–85; *Казарян А. Ю.* Собор в Аруче и купольные залы Армении VII в. К вопросу о византийском влиянии // *Древнерусское искусство. Византия, Русь, Западная Европа: искусство и культура*. СПб., 2002. С. 54–78; *Gengjuri N.* *Kuppelhalle*. Tbilisi, 2005 (затрагивает проблему преимущественно в контексте развития грузинских «купольных залов»).
- ³ *Strzygowski J.* *Die Baukunst der Armenier*. Bd. 1–2. Wien, 1918. S. 508–512.
- ⁴ *Krautheimer R.* *Early Christian and Byzantine Architecture*. Baltimore, 1965. P. 174. Fig. 66.
- ⁵ *Мальцева С. В.* Некоторые проблемы изучения однокупольных купольных построек на примере средневековой сербской архитектуры // *Seminarium Bulkinianum*. [Вып.] 3. СПб., 2012. С. 42.
- ⁶ *Multilingual illustrated dictionary of Byzantine architecture and sculpture terms* / ed. by S. Kalopissi-Verti and M. Panayotidi-Kesisoglou. Herakleio, 2010. P. 370. Приводимая в качестве русского перевода «однокупольная базилика» – искусственный конструкт (как и многие другие переводы на разные языки в этом словаре), не используемый в оригинальных русских научных текстах.
- ⁷ Поэтому он даже не включен в *Multilingual illustrated dictionary*, который, по сути, навязывает читателю греческую архитектурную терминологию как единственно правильную, вместо того, чтобы отразить все богатство европейской архитектурной терминологии, что делает его зачастую непригодным для чтения архитектурных текстов.
- ⁸ См., например, даже такую серьезную работу, как: *Αολανίδης Κ.* Βυζαντινή ναοδομία στη Νάξο: η μετεξέλιξη από την παλαιοχριστιανική στη μεσοβυζαντινή αρχιτεκτονική. Πάτραι, 2007. Σ. 299–300.
- ⁹ *Hauschild T.* *La iglesia martirial de Marialba (León)* // *Tierras de León*. 1968. Vol. 9. P. 21–26; *De los Angeles Utrero Agudo M.* *Iglesias tardoantiguas y altomedievales en la península ibérica (Anejos de AEspA ; XI)*. Madrid, 2006. P. 115–116, 501–503.
- ¹⁰ См.: *Buchwald H.* *Saint Sophia, Turning Point in the Development of Byzantine Architecture* // *Die Hagia Sophia in Istanbul. Bilder aus Sechs Jahrhunderten und Gaspere Fossatis Restaurierung der Jahre 1847 bis 1849* / Hrsg. V. Hoffmann. Bern, 1999. S. 29–58 (перп.: *Idem.* *Form, Style and Meaning in Byzantine Church Architecture*. Aldershot, 1999. I).

- ¹¹ См.: *Buchwald H., Savage M.* Churches // The Archaeology of Byzantine Anatolia / ed. by Ph. Niewöhner. Oxford, 2017. P. 136.
- ¹² *Buchwald H.* The Church of St John the Theologian in Alasehir (Philadelphia) // *Jahrbuch der österreichischen Byzantinistik*. 1981. Bd. 31. S. 301–318; *Karydis N.* Early Byzantine Vaulted Construction in Churches of the Western Coastal Plains and River Valleys of Asia Minor (BAR International Series ; 2246). Oxford, 2011. P. 16–18.
- ¹³ *Karydis N.* A monument of early Byzantine Sardis: architectural analysis and graphic reconstruction of Building D // *Anatolian Studies*. 2012. Vol. 62. P. 115–139.
- ¹⁴ Вопреки сомнениям в: *Castelfranchi M.* Il complesso di San Giovanni ad Efeso nel quadro dell'architettura giustiniana dell'Asia Minore // *Frühchristliches und byzantinisches Ephesus* / Hrsg. von R. Pillinger, O. Kresten, F. Krinzinger, E. Russo. Wien, 1999. P. 89–98.
- ¹⁵ *Karydis N.* A monument... Fig. 30.
- ¹⁶ См.: *Buchwald H., Savage M.* Churches. P. 136.
- ¹⁷ *Westphalen S.* Die Basilika von Priene. Architektur und liturgische Ausstattung // *Istanbuler Mitteilungen*. 1998. Bd. 48. S. 279–340; *Idem.* The Byzantine Basilica at Priene // *Dumbarton Oaks Papers*. 2000. Vol. 54. P. 275–280.
- ¹⁸ *Mongiello L.* Chiese di Puglia. Il fenomeno delle chiese a cupola. Bari, 1988. P. 50–52; *Puglia preromanica dal V agli inizi dell'XI secolo* / a cura di G. Bertelli. Milano, 2004. P. 110–116.
- ¹⁹ *Mongiello L.* Chiese di Puglia. P. 32–37.
- ²⁰ *Ibid.* P. 38–41, 170–172; *Puglia preromanica...* P. 224–226, 252–255.
- ²¹ *Venditti A.* Architettura bizantina nell'Italia meridionale. Architettura bizantina nell'Italia meridionale: Campania, Calabria, Lucania. Vol. 2. Roma, 1967. P. 392–396; 584–588. Fig. 264–268; 368–372.
- ²² *Mongiello L.* Chiese di Puglia. P. 88–127; *Belli D'Elia P.* Puglia romanica. Milano, 2003. P. 278–279, 286.
- ²³ *Venditti A.* Architettura... P. 882–884. Fig. 516–518.
- ²⁴ *Προκοπίου Ε.* Ο συνεπτυγμένος σταυροειδής εγγεγραμμένος ναός στην Κύπρο (9^{ος} – 12^{ος} αι. ωνας) : diss. Λευκωσία, 2007. Она почему-то называет все его типы «компактно вписанным крестом».
- ²⁵ *Krautheimer R.* Early Christian... P. 174. Fig. 66.
- ²⁶ *Aslanidis K.* Remarks on the architecture of the church of Hagia Kyriaki at Apeiranthos, Naxos // *L'aniconisme dans l'art religieux byzantine. Actes du colloque de Genève (1–3 octobre 2009)* / ed. par M. Campagnolo, P. Magdalino, M. Martiniani-Reber, A.-L. Rey. Geneva, 2010. P. 223–229.
- ²⁷ *Ασλανίδης Κ.* Βυζαντινή ναοδομία... Σ. 156–168, 238–247, 293–300.
- ²⁸ *Gallas K.* Mittel- und Spätbyzantinische Sakralarchitektur der Insel Kreta: Versuch einer Typologie der kretischen Kirchen des 10. bis 17. Jahrhunderts : diss. Berlin, 1982. S. 220–238.
- ²⁹ *Μπούρας Χ.* Άγιος Στέφανος... Σ. 47–48.
- ³⁰ *Ibid.*; *Bouras Ch., Kaloyzeropoulou A., Andreadi R.* Churches of Attica. Athens, 1970. Fig. II, XXII, XXVIII; *Koder J.* Hellas // *Reallexikon zur byzantinischen Kunst*. Bd. 2. Stuttgart, 1971. Sp. 1151–1152; *Δημητροκάλλης Γ.* Άγνωστοι βυζαντινοί ναοί Τεράς Μητροπόλεως Μεσσηνίας. Αθήναι, 1990. Είκ. 1, 153–154; *Nagatsuka Y.* Les Eglises byzantines en Laconie et dans ses environs. Recherches sur leurs architectures et fresque : diss. Paris, 1994. Pl. 72; *Μπούρας Χ., Μπούρα Α.* Η Ελλαδική ναοδομία κατά τον 12ο αιώνα. Αθήναι, 2002. Σ. 51–53, 164–165, 169–171, 351.
- ³¹ *Ibid.* Σ. 154–155, 197–198.
- ³² *Kupper H. M.* Bautypus und Genesis der griechischen Dachtranseptkirche. Wien, 1996.
- ³³ *Гукин В. А., Ёлишин А. А.* Архитектурно-археологические исследования храмового комплекса в портовом районе Судакского городища в 2016–2017 годах (раскоп 10) // *Судакский сборник. Вып. 2. Симферополь*, 2018. С. 25–56.
- ³⁴ *Altun A., Aslanapa O.* Iznik Çini Fırınlari Kazısı 1994 Mevsimi Çalışmaları // 17. Kazı Sonuçları Toplantısı. Cilt. 2. 1995. S. 411–428.
- ³⁵ *Mercangöç Z., Tok E.* Kuşadası Kadıkalesi 2010 Kazı Sezonu Çalışmaları // 33. Kazı Sonuçları Toplantıları. Cilt. 2. 2011. S. 353–363.
- ³⁶ *Otten T.* Das byzantinische Pergamon – ein Überblick zu Forschungsstand und Quellenlage // *Byzanz – das Römerreich im Mittelalter. Teil 2/2*. Mainz, 2010. S. 12–13. Abb. 8–10.

- ³⁷ Züb A. Zur Typologie kirchlicher Architektur im südwestlichen Kleinasien. S. I., 2003. S. 93–95. Faltplan 2.38. Abb. 214–219.
- ³⁸ Altripp M. Zweijochige Kuppelkirche im Nordwesten von Teimiousa (Lykien) (Ms.).
- ³⁹ Özcan H. Alanya Kalesinde üç Bizans kilisesi // Atatürk Üniversitesi Güzel Sanatlar Fakültesi Sanat Dergisi. 2004. S. 67–79.
- ⁴⁰ Nere P. Boğazköy-Hattuşa in byzantinischer Zeit // Hommes et richesses dans l'Empire byzantin / Ed. par V. Kravari, J. Lefort et C. Morrisson (Realités byzantines ; 1). Vol. 2. Paris, 1991. P. 105; Rbeidt K. Boğazköy und Pergamon. Zur byzantinischen Klosterarchitektur in Kleinasien // Istanbul Mitteilungen. 1993. Bd. 43. S. 479–485. Abb. 2a, 3a.
- ⁴¹ Dalgıç Ö. Early Christian and Byzantine Churches // Aphrodisias 5: the Aphrodisias Regional Survey / ed. by C. Ratté, P. D. De Staebler. Mainz, 2012. P. 371–375. Fig. 3–4.
- ⁴² Ballance S. The Byzantine Churches in Trebizond // Anatolian Studies. 1960. Vol. 10. P. 160–161, 164–167. Fig. 13, 18; Bryer A., Winfield D. The Byzantine Monuments and Topography of the Pontos. Vol. 1. Washington, D.C., 1985. P. 142–143, 230. Fig. 28.
- ⁴³ См.: Ibid. P. 143. Note 58.
- ⁴⁴ См.: Vinogradov A. Georgian influence on Byzantine art: the case of Varzahan // International conference Georgia – Byzantium – Christian East. Abstracts of papers. Album. Tbilisi, 2017. P. 236–237.
- ⁴⁵ См.: Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура Абхазии в эпоху Абхазского царства. Конец VIII – X в. М., 2015. С. 316–318.
- ⁴⁶ Restle M. Studien zur frühbyzantinischen Architektur Kappadokiens. Wien, 1979. S. 83. Abb. 145, 146. Pl. 47.
- ⁴⁷ Ramsay W., Bell G. Thousand and one churches. London, 1909. P. 400–403. Fig. 324–327.
- ⁴⁸ Millet G. Les monastères et les églises de Trébizonde // Bulletin de correspondance hellénique. 1895. Vol. 19. P. 454. Fig. 26.
- ⁴⁹ Bryer A., Winfield D. The Byzantine Monuments... P. 328–329; Crow J., Bryer A. Survey in Trabzon and Gümüşhane Vilayets, Turkey, 1992–1994 // Dumbarton Oaks Papers. 1997. Vol. 51. P. 283–286.
- ⁵⁰ См.: Виноградов А. Ю. Зарождение и развитие феномена надвратных храмов в византийском мире // ВВ. 2018. Т. 102. С. 249–271.
- ⁵¹ Rott H. Kleinasiatische Denkmäler aus Pisidien, Pamphylien, Kappadokien und Lykien. Leipzig, 1908. S. 85–91. Abb. 26–28.
- ⁵² Marinis V. Architecture and ritual in the churches of Constantinople: ninth to fifteenth centuries. New York, 2014. P. 202–203.
- ⁵³ Ibid. P. 143–150.
- ⁵⁴ Ibid. P. 131–137.
- ⁵⁵ Ćurčić S. Architecture in the Balkans from Diocletian to Suleyman the Magnificent, c. 300–1550. London ; New Haven, 2010. Fig. 402; Мальцева С. В. Некоторые проблемы... С. 48–49. Ил. 6–7.
- ⁵⁶ Чанева-Дечевска Н. Църковната архитектура в България през XI–XIV век. София, 1984. С. 128–129.
- ⁵⁷ Там же. С. 105–133; Ćurčić S. Architecture... Fig. 539c, 542b.
- ⁵⁸ Ćurčić S. Architecture... Fig. 559–562.
- ⁵⁹ Ibid. Fig. 745a–b, 783.
- ⁶⁰ Но не Св. Лука в Которе, как предполагается в: Мальцева С. В. Некоторые проблемы... С. 50.
- ⁶¹ Чанева-Дечевска Н. Църковната архитектура в България... С. 105–133; Ćurčić S. Architecture... Fig. 542, 718c, 720b.
- ⁶² Корац В. Прилог познавању једнобродних црква са куполом на Дубровачком подручју // Зборник радова Византинолошког института. 2007. Т. 44. С. 129–143; Ćurčić S. Architecture... Fig. 515–519, 522–523.
- ⁶³ См.: Korać V. Les voies d'Italie méridionale des influences byzantines sur l'architecture serbe // Δελτίον Χριστιανικής Αρχαιολογικής Εταιρείας. 2006. Τ. 27. Σ. 35–42. Особенно показателен храм Святого Петра: аркатура на его фасаде аналогична «купольному залу» Сан-Пьетро в Бальсиньяно, а аркатура на квадратном куполе – Санта-Маргерите в Бишеле (Mongiello L. Chiese di Puglia... P. 110, 118) и церкви Святого Николая в Сплите (Ćurčić S. Architecture... Fig. 502).
- ⁶⁴ Корац В. Прилог...; Ćurčić S. Architecture... Fig. 509–510, 519–521; Мальцева С. В. Некоторые проблемы...
- ⁶⁵ Казарян А. Ю. Собор в Аруче... С. 67.

- ⁶⁶ См., например: *Gengiuri N. Kuppelhalle*. P. 195.
- ⁶⁷ *Strzygowski J. Baukunst...* Bd. 2. S. 508–512.
- ⁶⁸ Библ. см. в: *Dum-Tragut J., Lüning-Plontke A., Kerkov K., Thiemig C. Ptghnavank'* (режим доступа: https://web.archive.org/web/20131227185153/http://www.kirchen.net/upload/36448_Ptghni_2007.pdf).
- ⁶⁹ *Казарян А. Ю. Собор в Аруче...*
- ⁷⁰ *Gengiuri N. Kuppelhalle*. P. 195.
- ⁷¹ См.: *Виноградов А. Ю. Стилистика vs. политика: передатировка как дестабилизирующий фактор в истории византийско-кавказских культурных связей // Византийский мир: реалии и интерпретации : тез. докл. XIV научных Сюзюмовских чтений. Екатеринбург, 2018. С. 14–15. Вопреки даже таким умеренным позициям, как в: Казарян А. Ю. Церковная архитектура стран Закавказья VII в. Т. 3. С. 14–22, не говоря о таких радикальных, как гипотеза появления «купольного зала» в Армении из сокращения храма типа вписанного креста (Яковсон А. А. Закономерности в развитии раннесредневековой архитектуры. Л., 1983. С. 126–128); ср. аналогичную гипотезу для Грузии: *Badstübner E. Baugestalt und Bildfunktion: Texte zur Architektur- und Kunstgeschichte / Hrsg. von T. Kunz und D. Schumann. Berlin, 2006.**
- ⁷² *Cuneo P. Architettura armena dal quarto al diciannovesimo secolo. Roma, 1988. P. 726–728.*
- ⁷³ *Ibid.* P. 728.
- ⁷⁴ *Чубинашвили Н. Г. Двани, храмы Грузии типа «croix libre» и «вписанного в прямоугольник креста» в VI–VII вв. // Средневековое искусство. Русь, Грузия. М., 1978. С. 20.*
- ⁷⁵ См.: *Виноградов А. Ю. [Рецензия] // Богословские труды. 2015. № 46. С. 331–333. Рец. на кн.: Казарян А. Ю. Церковная архитектура стран Закавказья VII в. Т. 1–4. М., 2012.*
- ⁷⁶ *Gengiuri N. Kuppelhalle.*
- ⁷⁷ См.: *Виноградов А. Ю. Христианское зодчество после арабов: в поисках новой идентичности. Абхазское царство, Тао-Кларджетия, Картли и Кахетия // Polystoria: Зодчие, конунги, понтифики в средневековой Европе. М., 2017. С. 112–113, 141–155.*
- ⁷⁸ В любом случае, она не могла быть построена на рубеже VIII–IX вв. (как считает Гengiuri: *Gengiuri N. Kuppelhalle*. P. 180), так как купольные церкви в этом регионе появляются не ранее второй трети IX в. (*Виноградов А. Ю. Христианское зодчество...* С. 114–115).
- ⁷⁹ По фасадному декору, сведенному к колончатой аркатуре на барабане, этот храм можно сопоставить с кафоликоном Хандзты.
- ⁸⁰ Иларион умер в 860 г., а как строитель Цкаростави упоминается в «Житии Григола Хандзтели» (гл. 26) в 850-е гг.
- ⁸¹ *Виноградов А. Ю. Христианское зодчество...* С. 115–118.
- ⁸² *Gengiuri N. Kuppelhalle*. P. 182.
- ⁸³ Реконструировать их в Парнаки (*Ibid.* P. 27) нет никакого основания.
- ⁸⁴ *Ibid.* P. 46–47, 182–183.
- ⁸⁵ См.: *Виноградов А. Ю., Белецкий Д. В. Церковная архитектура Абхазии...* С. 288–289.
- ⁸⁶ *Виноградов А. Ю. Христианское зодчество...* С. 126.
- ⁸⁷ См.: Там же. С. 157–165.
- ⁸⁸ См.: Там же. С. 287–288.
- ⁸⁹ К «купольным залам» невозможно отнести, как это делает Гengiuri (*Gengiuri N. Kuppelhalle*. P. 56–63), храм типа вписанного креста в Кинцвиси.
- ⁹⁰ *Ibid.* P. 70–84, 114–122.
- ⁹¹ *Ibid.* P. 89–99, 106–113.